

Три женских судьбы в судьбе России

История — она как волшебное зеркало: взглядишься и увидишь прошлое, а в нем отражается настоящее, угадывается будущее.

В истории Благовещенска мелькнули три женщины — Анна Прибылёва-Корба, Екатерина Бибергаль и Серафима Клитчоглу — с очень схожими судьбами. У всех трёх — более чем благополучное детство, полные лишений и испытаний зрелые годы, а молодость они отдали борьбе с существовавшим тогда укладом жизни. Борьбе кровавой и жестокой: все они были террористками: Анна (1849 года рождения) — член исполкома «Народной воли», Екатерина (1878) и Серафима (1880) состояли в партии эсеров. На счету этих организаций тысячи погубленных жизней.

Что приводило женщин в ряды государственных преступников? Они «уходили в борьбу» по разным причинам. Самые обездоленные — от безысходности: одинокой бесприданнице заработать на жизнь было чрезвычайно трудно, а революционная борьба неплохо оплачивалась. Вполне благополучные — в поисках независимости и острых ощущений. Многих сносило «ветром перемен», который и сто пятьдесят лет назад носился над Россией — они готовы были отдать жизнь «за идею». Во второй половине XIX века женщины — кстати, не только в России — начали активно бороться за то, чтобы сравняться в правах с противоположным полом. И общество, и правительство сопротивлялись этим глобальным переменам. А вот в среде заговорщиков и террористов женщины во всём были на равных с мужчинами. Это тоже привлекало.

Когда человек делает выбор, он всегда знает, от чего отказывается, и почти никогда не знает, что же получит взамен. А плата за свободу, независимость, равенство была очень велика. Наши героини обменяли спокойную семейную жизнь на несколько лет подпольной работы, череду судебных приговоров и десятилетия мытарств — на троих пришлось больше ста лет тюрем, ссылок и каторги.

АННА

От первого мужа она сбежала на войну, вместе со вторым прошла каторгу

Супруги Прибылёвы прожили в нашем городе несколько лет на рубеже XIX и XX веков. Похоже, это были очень спокойные годы, потому что в достаточно подробной автобиографии, которую Анна Павловна писала, но почему-то не закончила, в 1925 году, о Благовещенске нет ни слова. Зато её имя упоминается во многих публикациях, посвящённых «Народной воле».

«Народная воля» — революционная организация, возникшая в 1879 году. Главная цель её — свержение самодержавия. Один из основных методов борьбы — террор, то есть демонстративное, устрашающее убийство людей, чья вина не доказана никаким судом, без оглядки на возможное количество жертв.

С будущими организаторами «Народной воли» Анна познакомилась в Петербурге, где они с мужем жили в «миленькой симпатично обставленной» квартире. Муж — Виктор Францевич Корба, потомственный почётный гражданин и служащий — очень надеялся, что Анна станет примерной женой и матерью. Но её деятельная натура рвалась на волю.

Она поступила на Аларчинские женские курсы — прообраз Бестужевских курсов — и увлечённо изучала математику, по окончании Анна получила диплом учительницы. В числе слушателей были и будущие народовольцы (в их числе Софья Перовская, казнённая в апреле 1881-го за организацию убийства императора Александра II). «С того времени, — писала Анна, — я стала убеждённой социалисткой». Но, прежде чем навсегда «уйти в революцию», она отправилась... на войну.

На войне

В апреле 1877 года Россия объявила войну Турции и спустя год кровопролитных боёв освободила Болгарию от пятисотлетнего турецкого ига. «Я не могла остаться спокойной с самого начала войны славянских народов с турками, — вспоминала Анна Павловна. — Мне хотелось оказать хоть малейшую помощь борцам за свою свободу». Окончив курсы сестёр милосердия, она в одном из санитарных поездов Красного Креста отправилась на фронт. Муж повлиять на решение жены не смог.

Анна поступила в одну из общин сестёр милосердия, которая занималась эвакуацией раненых и больных. В начале службы она была рядовой, но очень скоро её назначили старшей сестрой поезда: она отвечала за организацию ухода за ранеными и больными, за порядок в поезде, за питание пациентов и персонала.

Всего в той войне в качестве медицинского и санитарного персонала участвовало около 1300 женщин (до 1877 года в России насчитывалось всего около 300 медсестёр), более сорока из них скончались от ран и болезней, практически все перенесли ту или иную форму тифа или лихорадки. Во время войны шесть медицинских сестёр были награждены серебряными медалями «За храбрость», почти все — знаками отличия Красного Креста и медалями, учреждёнными в память о Русско-турецкой войне 1877–1878 годов.

«Русская женщина в звании сестры милосердия приобрела... всеобщую признательность и уважение как лучший друг солдата среди страданий и болезни», — написал в одном из исследований известный историк медицины П. А. Рихтер.

Анна Корба прослужила в санитарном поезде полгода. Очевидно, она тоже имела награды, но в своих воспоминаниях о них не упоминает.

В революции

Если и до войны Анну тяготила размеренная семейная жизнь, то уж после напряжённой и опасной работы в санитарном поезде ей всё казалось пресным. «Неужели возвращаться в лоно семьи? Никогда этого не будет. Кто научился служить своей родине, не может снова отдавать своё время, свой ум, свой труд

Анна Павловна
Прибылёва-Корба

1877 год. Отправление первого санитарного поезда на фронт
Русско-турецкой войны.

одному человеку», — написала она в упомянутой автобиографии. Казнь одного из террористов в 1878 году явилась, по словам Анны, «последней ступенькой, приведшей меня к революционному пути».

В мае 1879 года Анна Корба («брюнетка высокого роста, очень красивая, одетая в шёлковую, подбитую лисой ротонду» — описание того времени) становится членом «Народной воли». Ей тридцать лет, она живёт в Санкт-Петербурге, ещё не развелась, но уже рассталась с мужем. Виктор Францевич время от времени приносит ей деньги. Анна приношения принимает и отдаёт их на нужды организации.

С декабря 1880 года Анна — член исполкома «Народной воли», живёт на нелегальном положении, по фальшивому паспорту и под чужим именем. Она становится хозяйкой конспиративных квартир: в одних работают мини-типографии, в других — мастерские по изготовлению взрывчатки и бомб, в третьих проходят собрания заговорщиков. Позже при обыске в одной из квартир-лабораторий, в организации которой участвовала и Анна, обнаружили нитроглицерин, пироксилин, динамит, «четвертные бутылки с азотной и серной кислотой», другие очень опасные вещества, а также готовые метательные снаряды. Они были всюду: в отдельной комнате, в комод, в платяном шкафу, под кроватью. Пропагандисты «Народной воли», в том числе и Анна, много разъезжали по стране, организуя новые тайные кружки, распространяя прокламации, готовя террористические акты.

Всего, по подсчётам историков, «Народная воля» объединяла несколько десятков организаций в сорока городах страны, и в ней состояло около 500 человек.

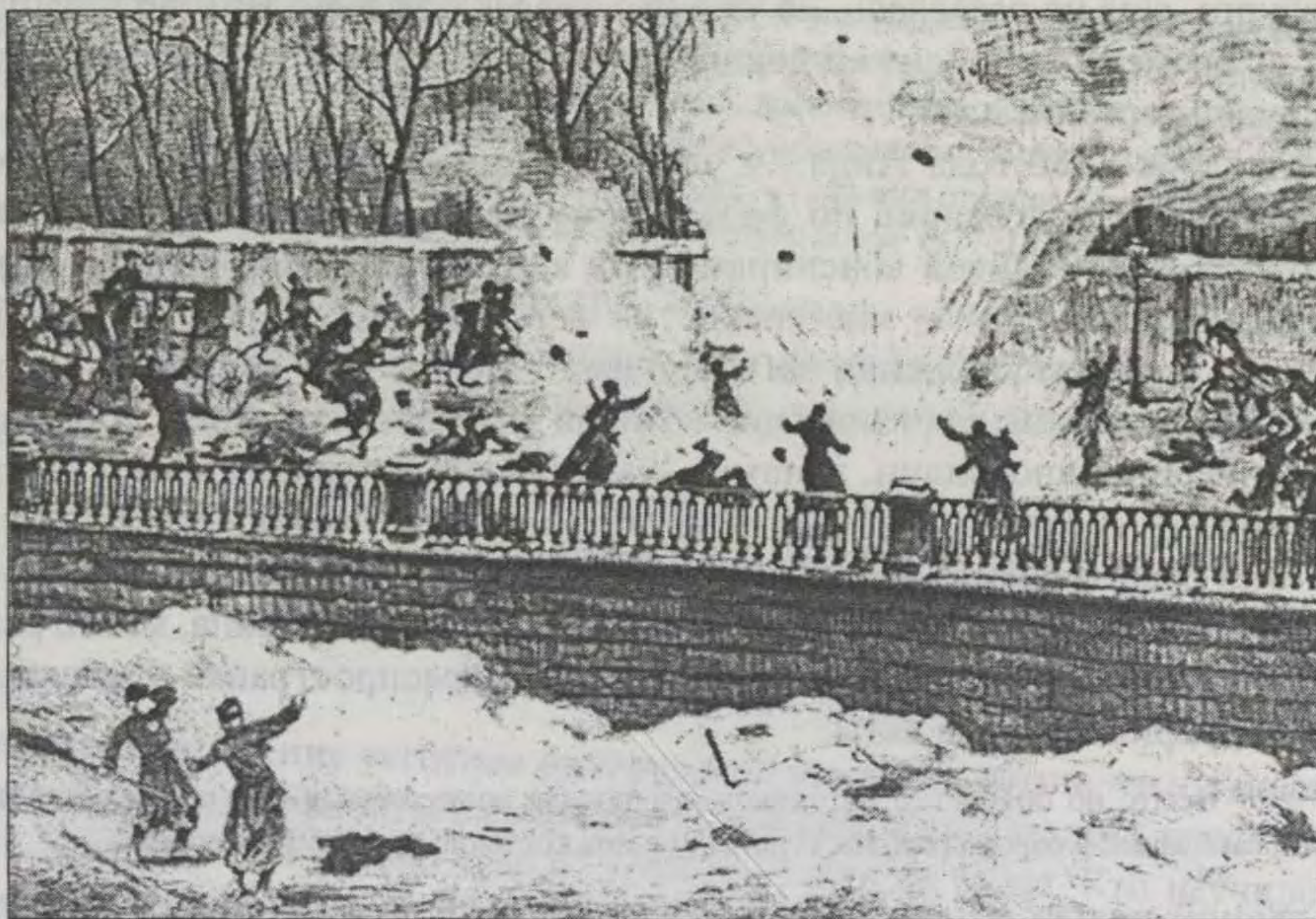
Главной целью их террора был император России Александр II Освободитель, отменивший в 1861 году крепостное право. Народовольцы поку-

шались на него восемь раз и 1 марта 1881 года всё-таки убили, бросив две бомбы!

Руководитель «Народной воли» Александр Михайлов (арестованный раньше и в это время бывший в тюрьме), узнав об убийстве Александра II, писал товарищам-народовольцам: «Надо утопить их в той крови, которую они прольют. Единственный путь — это стрелять в самый центр. На очереди оба брата (Александр III и великий князь Владимир Александрович. — *В. К.*), но начать надо с Владимира. При политической свободе, кажется, лучше перейти на путь идейной борьбы. Но до неё — одна цель. И вы, дорогие, уже научились попадать в неё. К свободе — одна преграда: два брата. Более, думаю, препон не встретите».

«Голубка моя милая, любимая... сердце моё. Котик мой нежный... что скажу тебе, Зорька моя... я хотел бы глядеть на тебя вечно. Хотел бы целовать твои очи ясные долго, долго, горячо и страстно. Милая, родная моя... Пусть благословит тебя, ангел мой, судьба, за эти горячие лучезарные чувства, которые ты поселила в моём сердце. Я счастлив, что они и теперь жгут меня, и если бы в этот момент разорвалось сердце моё, я умер бы счастливейшим человеком. Милая, милая, как люблю тебя. Знала ли ты, что любовь моя так глубока? Полагала ли? Должно быть, нет. Я полюбил тебя тихо, спокойно, но глубоко и навсегда... Теперь целую, целую много раз твой образ и посылаю столь же страстные объятия тебе, ангел мой светлый. Помни твоего Сашу, он же живёт тобою...» Это тоже написал Александр Михайлов. В письме, адресованном Анне Корба. Она была его единственной любовью. В ответных письмах Анна уверяла: «Буду до конца добра и достойна тебя, мой дорогой, люблю тебя бесконечно, навек твоя», «Да хранит тебя Бог и моя горячая любовь».

1881 год. Убийство императора Александра II.

Ссыльно-каторжная тюрьма на Усть-Каре.

Эти несколько писем Михайлова сыграли в судьбе Анны трагическую роль. После её ареста их нашли при обыске в Петропавловской крепости 14 июля 1882 года «защитыми в платье», приобщили к следствию, и они стали главным доказательством её связи с исполкомом «Народной воли» (остальные улики были не так существенны). Убийство Александра II стало началом конца организации «Народная воля». Один за другим прошли аресты её членов. По «процессу семнадцати» Анну Корба в апреле 1883 года приговорили к двадцати годам «каторжных работ на заводах». Александр Михайлов умер от отёка лёгких в заключении в марте 1884 года.

На каторге

Отбывала наказание Анна на Карийской каторге в Забайкалье (сейчас — Забайкальский край). Один из начальников той каторги писал в своём отчёте, что политические, «особенно женщины, не отличаются умением подчиняться условиям, в которые попали». Часть каторжанок считали, что в заключении нужно вести себя спокойно, дожидаясь выхода на волю, где следует продолжить борьбу. Другие настаивали: так как в настоящее время они находятся «в плену у врага», необходимо или бежать, или сопротивляться. Вот эти-то постоянно конфликтовали с тюремной администрацией: устраивали голодовки, били стёкла, пытались поджигать камеры.

Была бы Анна моложе, она наверняка участвовала бы в «сопротивлении». Но ей уже тридцать пять, она в здравом уме, и у неё очень много времени для раздумий. Это в молодости хочется действий и приключений. С возрастом приходит осознание того, что многое ушло безвозвратно и, как ни хотелось бы изменить что-то, ты уже во власти обстоятельств и нужно приспособляться. Политические каторжанки создали артель: шили на всех одежду, завели корову, заготавливали для неё сено, на зиму сообща готовили дрова, устроили общую кухню.

Очевидно, там, на каторге, начинается роман Анны Корба с Прибылёвым. Александр — студент Петровско-Разумовской медицинской академии в

Санкт-Петербурге — примкнул к народолюбцам почти одновременно с Анной и сразу получил задание... жениться на Раисе Гроссман. Молодожёны сняли квартиру, устроили в ней лабораторию и школу (!) по изготовлению бомб. Их тоже арестовали в 1882 году. На следствии Александр говорил, что всего лишь проводил опыты, а Раиса — что только следила за порядком в квартире. Как раз в той, где бутылки с кислотой стояли в платяном шкафу, а готовые бомбы хранились в комод.

Супруги Прибылёвы и Анна Корба проходили по одному делу и на каторге оказались в одной, Карийской тюрьме, только, понятно, в разных казармах. Александр Васильевич (его приговорили к пятнадцати годам) тоже оставил воспоминания, а в них писал, что на каторге «занимался исключительно своим медицинским образованием» (каторжанам разрешалось получать с воли книги).

Спустя девять лет многих «карийских» народолюбцев освободили по амнистии и отпустили на поселение. А ещё через два года Александр и Анна развелись со своими супругами и затем поженились. Кто бы мог подумать, что вместе они проживут ещё 42 года!

На свободе

В своих воспоминаниях Прибылёв делился впечатлениями о том, что «население этих отдалённых от центров мест (Забайкалье и Амурская область. — В. К.) отличается своеобразными качествами. Оно чувствует себя независимее, самостоятельнее сравнительно с обывателями Европейской России». Волею судеб он сам, хоть и был ссыльным, стал частью этого вольного населения. «Захудалое состояние официальной медицины в глухих углах отдалённой Сибири обуславливало успешность моей практики. Но в конце концов я вынужден был временно покинуть эту сферу деятельности и всё остальное время поселенческих годов, вплоть до 1904 г., работал в области совершенно ей противоположной». Прибылёвы жили сначала на одном из золотых приисков Забайкалья, потом в Чите, Благовещенске, Сретенске. В нашем городе Александр какое-то время работал агентом товарищества «Амурское пароходство».

Здесь, в Благовещенске, супруги Прибылёвы стали одними из организаторов газеты «Амурский край» (редактором газеты был Г. И. Клитчоглу — отец Серафимы, второй героини этих заметок). Первый номер издания вышел в октябре 1899 года. В редакции собрались старые знакомые Прибылёвых — политические ссыльные Л. Г. Дейч, С. С. Синегуб, Э. А. Плосский, И. Л. Манучаров. Все они знали друг друга или по антиправительственной деятельности на западе страны, или по Карийской каторге (несомненно, что Прибылёвы были знакомы и с семейством бывшего каторжанина-поселенца Бибергаля). Александр писал в газету в свободное от службы время, а Анна вела в ней иностранный отдел. Газета просуществовала до 1910 года. К тому времени почти вся её редакция выехала на запад, и отъезд большинства из них совпал с подготовкой революции 1905 года.

Странно, но ни один из супругов ничего не пишет о своём участии в этой революции. Однако упоминают о том, что в 1909 году обоих вновь арестовыва-

ют и из Москвы, где они тогда жили, отправляют в ссылку в Минусинск: Анну на два года, Александра на пять лет. Когда заканчивается срок, назначенный Анне, они... уезжают за границу. Там Александр продолжает образование, получает диплом бактериолога и в 1914 году возвращается в Минусинск (!), чтобы отбыть ссылку до конца (!). Трудно представить, что такое было возможно, но Прибылёв сам об этом пишет.

Революцию 1917 года, гражданскую войну Прибылёвы встретили в преклонном возрасте: уже не до борьбы, лишь бы выжить. А в 20-х годах наступает в их судьбе небольшой отрезок полного благополучия: они становятся членами Общества бывших политкаторжан, получают от этой организации материальную помощь и шикарную по тем временам квартиру, пишут мемуары.

Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев было организовано в 1921 году, издавало журнал «Каторга и ссылка» (несколько экземпляров хранятся в отделе редких книг Амурской областной библиотеки).

Судьба подарила Прибылёвым шанс стоять у истоков грандиозных общественных явлений: Анна была одной из первых женщин России, получивших профессиональное образование (она имела дипломы медсестры и домашней учительницы), Александр был в числе первых в стране бактериологов. И вот на склоне лет они стали участниками ещё одного, хотя и не такого масштабного начинания.

В 20-е годы в послереволюционной России зазвучала идея освободить женщин от «рабского» домашнего труда — стирки, приготовления пищи, воспитания детей. Воплотить в жизнь её решили в доме для бывших политкаторжан, который построили в Ленинграде на Петровской набережной. За основу был взят принцип коммуны: минимум личного, максимум общественного пространства, поэтому в доме была горячая вода (невиданная роскошь по тем временам), зато в квартирах не было кухонь, и все питались в столовой-ресторане на первом этаже. Там же размещались детский сад, магазин, медпункт, прачечная, мастерская. Эксперимент окончился крахом: обходиться без кухонь не хотели даже бывшие каторжане, привыкшие к лишениям.

Недолго продолжалась идиллия: сначала, в 1935 году, было ликвидировано общество политкаторжан, а потом — и они сами. Из 144 семей, проживавших в доме, 132 были репрессированы. Однажды пришли и к Прибылёвым. Александр Васильевич был тяжело болен, не вставал с постели, но ему предъявили ордер на арест. Тогда Анна Павловна, которой было уже 87 лет, легла на пороге и заявила: «Забирайте вместе со мной». Командир караула постоял, помолчал, сказал: «Простите», — и ушёл.

А. В. Прибылёв умер в 1936 году, А. П. Прибылёва-Корба — через три года после него.

Р. С. В воспоминаниях одной из бывших каторжанок есть упоминание о том, что в начале 1914 года А. П. Прибылёва-Корба проживала в Полтаве с дочерью. Сама Анна Павловна в автобиографии ничего не говорит ни о дочери, ни о каких-то других детях.

СЕРАФИМА

Она создала собственную боевую группу, а первенца родила в тюрьме

Серафима Клитчоглу — дочь Г. И. Клитчоглу. Георгий Иванович, живя в Благовещенске, в разное время работал в банке, входил в правление городского музея, состоял в числе учредителей бесплатной читальни при народном доме, руководил типографией, избирался гласным городской Думы. Оказавшись в 1914 году в далёком селе Селемджинского района, организовал там трудовую артель. Как редактор газеты «Амурский край» (в этой газете сотрудничали супруги Прибылёвы) за публикацию «крайне резких и вредных для общественного настроения» текстов был приговорён к году тюремного заключения и отбыл этот срок полностью. Несмотря на «отсидку», он был достаточно влиятельным человеком: когда дочь в очередной раз арестовали за антиправительственную деятельность, он исхлопотал ей возможность вместо ссылки уехать в Благовещенск, «под надзор отца».

Серафима решительным, независимым, деятельным характером пошла в отца. Она родилась в Ростове-на-Дону. Детство её прошло в Бердянске и Севастополе. Где она заканчивала гимназию? Может быть, и в Благовещенске, как Екатерина Бибергаль. И точно так же, как Екатерина, Серафима после окончания гимназии уехала в Санкт-Петербург, поступила на Бестужевские курсы.

Это было первое в России высшее учебное заведение университетского типа для женщин. Курсы существовали с 1878 по 1916 год. Всего их окончило около 7000 человек. Основная часть выпускниц стали преподавателями в средней школе.

На протяжении всей истории Бестужевские курсы постоянно были «на контроле» полиции: среди слушательниц было слишком много тех, кто состоял в разных антиправительственных организациях. В марте 1886 года директор департамента полиции В. К. Плеве составил записку, в которой, в частности, указывал: «Без преувеличения можно сказать, что за последние пять лет не было ни одной более или менее крупной революционной организации, в которую не входили бы слушательницы Бестужевских курсов в значительном числе». Дошло до того, что в 1886 году приём на курсы был прекращён «до особого рассмотрения вопроса о высшем образовании для женщин». В полную силу курсы заработали вновь только через три года и уже под строгим контролем государства.

В Петербурге

Серафима Клитчоглу стала слушательницей курсов в конце 90-х годов, как раз когда порядки здесь стали строже. Для зачисления на учёбу требовалось письменное разрешение родителей или опекунов и справка о наличии средств для безбедного существования (плата за обучение поднялась до 200 рублей в год). Курсистки должны были жить только дома или у родственников, но не на частных квартирах, им запрещалось собираться вместе за пределами курсов... Несмотря на принятые меры, «неблагонадёжность» курсисток резко повыси-

лась: если до 1886 года ни одна слушательница не привлекалась по политическим процессам, то в 1890-е годы это стало почти нормой.

Серафима Клитчоглу была из тех, кто жаждал деятельности, риска, испытаний. Она вращается в среде, где читают запрещённую литературу и распространяют подрывные листовки, где только и говорят о том, как изменить существующий порядок, сама становится одной из активных пропагандисток. В марте 1898 года её впервые арестовывают. Целый год Серафима проводит в петербургском доме предварительного заключения.

К слову, один из лидеров эсеров Георгий Гершуни (создал боевую организацию, руководил покушениями на министра внутренних дел Д. С. Сипягина и харьковского губернатора князя И. М. Оболенского — оба были убиты) в 1902 году в ожидании суда сидел в Шлиссельбургской крепости. Много позже он вспоминал в своей книге: «Настал первый день Рождества. Гусь, каша, пирог довольно жирные. Но вот судок со сладостями. Дрожащей рукой поднимаешь крышку — и весь холодеешь: один апельсин, одно яблоко, виноград жалкий, шоколаду совсем нет!» Может быть, Серафиму кормили не так шикарно, но свидетельство одного из главных террористов, согласитесь, очень неожиданное.

В январе 1899 года Серафиму выслали из Санкт-Петербурга, и в течение трёх лет она жила под гласным надзором в Ялте, Саратове, Харькове, Киеве. Именно тогда она вступила в партию эсеров. Вот где нашла выход её кипучая энергия: она занимается агитацией и пропагандой, участвует в издании и распространении антиправительственной литературы, а в 1902 году переходит на нелегальное положение и возвращается Петербург.

В боевой организации

К началу нового века в России появились новые группы экстремистов. До поры до времени никто из них не способен был взять на себя инициативу в воссоздании такого сложного и работоспособного механизма, каким был исполнительный комитет «Народной воли» двадцатилетней давности. Но со временем нашлись и руководители. Одним из них стал Евно Азеф — двойной агент, одновременно работавший осведомителем в полиции и организатором террористических актов в партии эсеров. Серафима Клитчоглу, к тому времени уже весьма опытная и авторитетная деятельница партии, участвовала вместе с другими лидерами в создании боевой организации партии эсеров (БО). Главной целью БО был террор.

В 1903–1906 годах в БО эсеров входили 64 человека. Костяк организации составляли молодые люди 20–30 лет. Кровавый счёт боевиков-эсеров за 1901–1911 годы: 263 террористических акта, в результате которых были убиты два министра, 33 генерал-губернатора, губернатора и вице-губернатора, 16 градоначальников, 7 адмиралов и генералов, 15 полковников, 8 присяжных поверенных, 26 агентов полиции и провокаторов. Кроме эсеров, террор практиковали анархисты, социал-демократы, различные национальные партии. В итоге, по подсчётам американского историка Анны Гейфман, в 1905–1907 гг. террористами было убито и ранено около 4500 государственных служащих различного уровня. При этом было убито 2180 и ранено 2530 частных лиц. Всего же в 1901–1911 годах жертвами террористических актов стали в России около 17 тысяч человек.

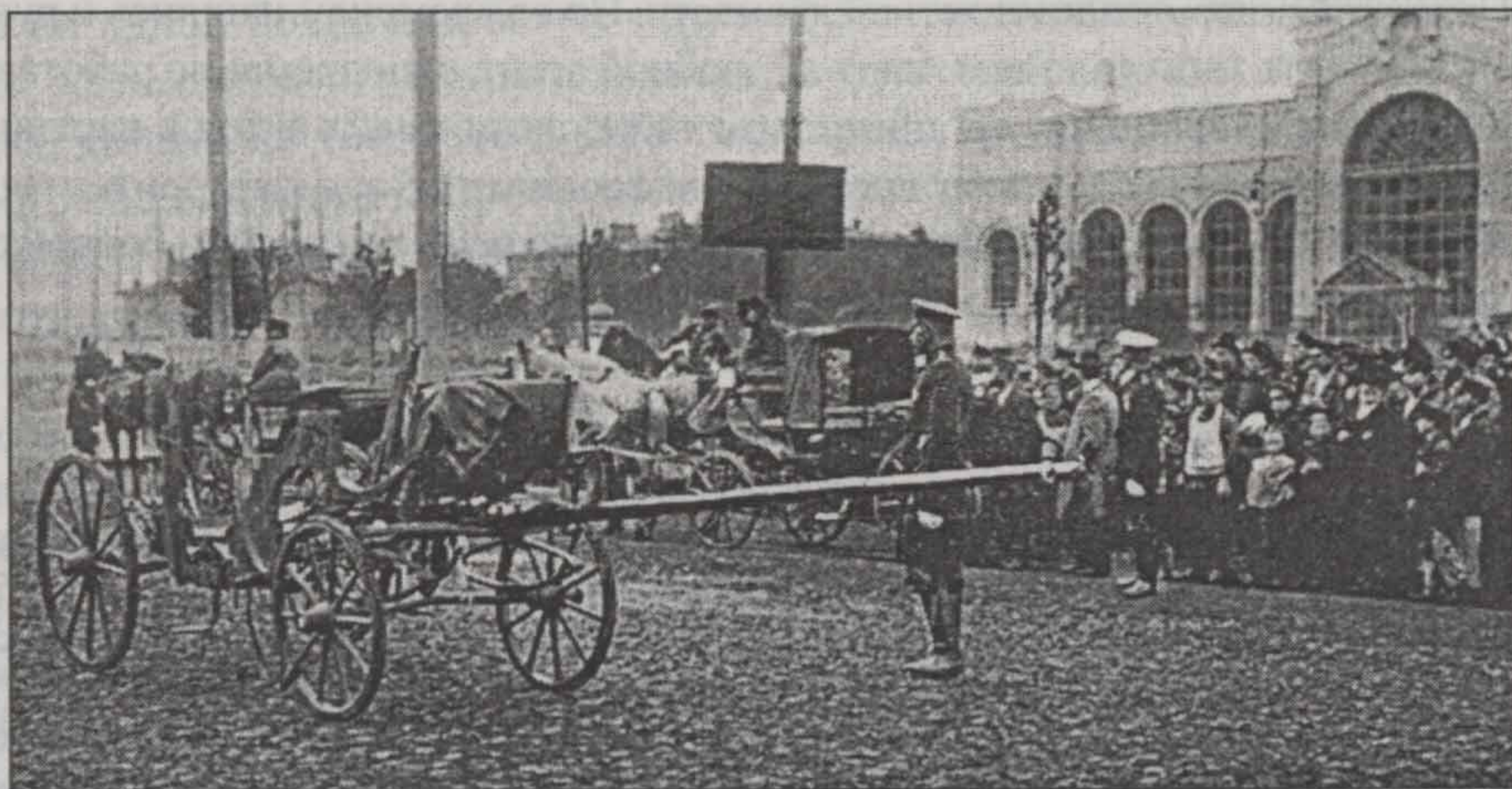
Наряду с императором Александром III одной из главных мишеней для террористов был В. К. Плеве, особенно после того, как в апреле 1902 года он был назначен министром внутренних дел Российской империи. Всего на него покушались пять раз. Охота на министров в России превратилась в своеобразный спорт, в котором соревновались нескольких групп террористов.

В этот момент Серафима Клитчоглу особенно ярко проявила свой независимый характер. Она создала собственную боевую группу и начала подготовку к покушению на Плеве. В документах следствия по этому делу зафиксированы некоторые подробности. В организации Клитчоглу было «шесть человек, готовых пожертвовать собой, и около двух с половиной пудов динамита (41 кг)». Руководителя собственно теракта обещали прислать из-за границы (оттуда постоянно прибывали агитаторы, организаторы, подрывная литература и деньги «на революцию»).

Когда Азеф узнал об этой инициативе, он потребовал, чтобы Серафима немедленно свернула свою деятельность. Во-первых, это подрывало дисциплину в партии и авторитет самого Азефа, во-вторых, из-под контроля выходили деньги (на организацию убийства Плеве было ассигновано 7000 рублей — огромная по тем временам сумма). Клитчоглу наотрез отказалась. Ещё бы! Она ведь была не последним человеком в эсеровской партии, личные её амбиции были сильнее партийной дисциплины, ну и, конечно, свою роль играл и «призовой фонд». Решительная женщина.

Спустя некоторое время вся группа Клитчоглу попала в руки полиции. Членам партии Азеф объяснил этот провал неопытностью и неосторожностью молодых террористов. На самом деле он лично выдал их. А затем продолжил руководить организацией покушения (28 июля 1904 года взрывом бомбы В. К. Плеве был убит).

Донос провокатора повлёк за собою не только разгром группы Клитчоглу, но и многочисленные аресты тех, кто имел к ней отношение. В конце 1902

1904 год. Всё, что осталось от кареты министра внутренних дел В. К. Плеве после его убийства.

— начале 1903 года больше ста человек были арестованы в Саратове, Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Курске. Эти масштабы косвенно подтверждают то, что Серафима на самом деле была очень известным и авторитетным членом партии.

Саму её арестовали в январе 1903 года. Снова целый год Серафима провела в тюрьме, а затем её отправили на пять лет в ссылку в Архангельскую губернию (там в это время уже отбывала срок Екатерина Бибергаль).

Женская политическая ссылка в Архангельской губернии существовала с 1862 по 1905 год. По мере развития революционной активности число ссыльных женщин постоянно росло. Женщины здесь содержались преимущественно молодые — от 21 года до 25 лет, а нервы у них были уже истрёпанными.

Для тех, кто жил в столицах, в других крупных городах, оказаться в безлюдном крае, в суровом климате, вне привычного окружения и очень далеко от «Европы», было непереносимо. Хотя здесь была крыша над головой, ссыльные получали пособие от казны («кормовые деньги» по нормам солдатского питания и деньги на наём квартир), помощь, в том числе деньгами, от родных, от благотворительных организаций.

Интересно, что для некоторых материальное положение в ссылке было не хуже, чем на воле. Одна из ссыльных, Иванова, в своих воспоминаниях отметила, что, работая «на воле» у портнихи в модной мастерской по 12 часов в день, она получала 8 рублей в месяц. А в ссылке ей выдавалось пособие и деньги для оплаты квартиры общей суммой 8 рублей 10 копеек, и ещё она имела возможность работать, получая дополнительные денежные средства. При этом жизнь в глуши была намного дешевле, чем в столице.

В общем, материально жили неплохо, но в моральном отношении для деятельных натур заключение было невыносимо, и по возможности ссыльные бежали. Серафима активно участвовала в организации побегов ссыльных, а через год бежала сама. Почти двенадцать месяцев она провела где-то за границей, потом нелегально вернулась в Петербург, опять включилась в деятельность БО. В 1906 году её снова арестовали, заключили в Петропавловскую крепость, затем выслали в Нарымский край (сейчас — север Томской области).

По имеющимся данным, в начале XX века в Нарым были сосланы представители 17 политических партий. Если в XIX веке ссыльных декабристов, народников, поляков было всего по несколько человек, то после 1905 года в Нарым одновременно попало более 300 человек, а к 1910 году здесь насчитывалось уже около трех тысяч ссыльных.

Селились ссыльные, как правило, у местных крестьян. Более того, революционеры были людьми состоятельными: они и прислугу себе нанимали.

«Царский судебник запрещал ссыльным любую деятельность, поэтому им выплачивали по 6,48 рубля в месяц. Судя по ценам того времени (булка чёрного хлеба — 2 копейки, крынка молока — 4 копейки), деньги это были хорошие. Также они получали единовременное пособие на летнюю и на зимнюю одежду по 18 рублей», — вспоминает ссыльная Зубарева именно нарымскую ссылку. Кроме того, ссыльные, несмотря на запрет, могли всё-таки устраиваться на некоторые временные работы, занимались репетиторством.

Места были уж очень далёкими и суровыми — не Киев и не Ялта. Сама ли Серафима обратилась за помощью, или это была инициатива её отца, только в результате его прошений дочь перевели в Благовещенск под его личный надзор.

Под надзором

Серафиме уже тридцать лет. Пора остепениться. Да, в Благовещенске она выходит замуж за М. Межова. Но теперь они вместе продолжают революционную деятельность. По делу одной подпольной типографии их обоих арестовывали. В тюрьме у Серафимы родилась дочь. В тот раз обоих супругов оправдали, и они зажили по-семейному. Серафима работает учительницей в Благовещенской гимназии, даёт частные уроки. Ей приходится работать очень много — муж болеет и вскоре умирает от быстротечной чахотки, а детей к тому времени уже трое.

После 1917 года Серафима Клитчоглу вернулась в Европейскую Россию — всё-таки там, а не на Дальнем Востоке, была её родина. Жила в Москве, работала учительницей.

И вот последнее упоминание. Журнал «Каторга и ссылка», книга 47 за 1928 год. «15 июля с. г. в железнодорожной больнице у платформы Яуза (6-я верста) Северной железной дороги умерла учительница, в прошлом видная революционерка Серафима Георгиевна Клитчоглу-Межова».

ЕКАТЕРИНА

В порыве страсти её едва не застрелили, но она дождалась до глубокой старости

Имя выпускницы Благовещенской женской гимназии (сейчас — школа № 4) Екатерины Бибергаль вошло в историю русской литературы. Она — первая любовь Александр Грина, того, который написал «Алые паруса». Но Екатерина — не Ассоль. Она — профессиональная революционерка.

Сведений о ней немного. Родилась на Нерчинской каторге в Читинской области (сейчас — Забайкальский край). Её отец, Александр Бибергаль, третьекурсник Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, в декабре 1876 года был арестован за участие в демонстрации на Казанской площади. Два года следствия — и суровый приговор: 15 лет каторги. Вслед за Александром «во глубину сибирских руд» отправилась его невеста, которая вскоре стала его женой. По воспоминаниям другого каторжанина, Льва Дейча, это была «слабенькая, тщедушная на вид, но очень деятельная и настойчивая женщина. Благодаря знанию иностранных языков и музыки она не только обучала своих трёх детей, но давала уроки и другим детям. Бибергаль сам никогда не сидел сложа руки. Энергичный, способный ко всякому практическому занятию, он почти всегда находил себе заработок — работал конторщиком, бухгалтером, учителем, корреспондентом».

По амнистии 1884 года Александр вышел на поселение. Сначала жил в Чите, потом переехал в Амурскую область. Дейч встретил Бибергаль в 1899 году в Благовещенске. Тот работал агентом Российского общества страхования

и транспортирования кладей, жена неплохо зарабатывала уроками, и семья жила безбедно. Младшие сын и дочь учились в гимназии, старшая дочь Екатерина к тому времени поступила на Бестужевские курсы в Петербурге.

На юге

Проучилась на курсах Екатерина недолго: в марте 1901 года за участие в демонстрации на Казанской площади её арестовали (то же самое и в том же месте произошло с её отцом 25 лет назад) и отправили под гласный надзор полиции в Севастополь. Там она повстречала Александра Степановича Гриневского.

Будущий известный, а тогда начинающий писатель (Грин — это его псевдоним) выступал в роли агитатора партии эсеров, в которой состояла и Катя. Он влюбился в неё без памяти, она тоже увлеклась молодым человеком. Благодатный юг и тёплое море, любовь и революционная романтика — всё было прекрасно! Но в 1903 году Грина арестовали. Катя сразу же взялась за подготовку побега: умудрилась добыть тысячу рублей, купила парусное судно, чтобы морем Гриневский добрался до Болгарии, подкупила извозчика... Помощниками были её младший брат Виктор и его друг. Бежать Александру не удалось: его схватили, когда он уже поднимался через забор по переброшенной «с воли» верёвке. В заключении он оставался до 1905 года. А Катя... Буквально накануне неудавшегося побега Грина её внезапно выслали из Севастополя в Архангельскую губернию, в Холмогоры.

На Севере

Вновь Екатерина и Александр встретились в 1905 году в Петербурге. Два года назад, в Севастополе, оба были влюблены и собирались пожениться. В Северной столице, повзрослевшим и уже много пережившим, им предстояло расстаться. Александр к тому времени разочаровался в революционной деятельности, после лет заключения ему хотелось спокойной жизни. А Екатерина не мыслила жизни без революции.

Их последнее объяснение было очень бурным, на грани сумасшествия. Грин страстно желал, чтобы Екатерина выбрала его, а не революцию. Исчерпав все аргументы, он... выстрелил в неё из пистолета! Пуля застряла в левом боку. Рана оказалась неопасной, и вскоре Екатерина поправилась. Грина она не выдала, но они расстались навсегда.

Много позже Грин писал о Екатерине, что это была женщина редкой красоты, энергии и настойчивости. Департамент полиции подтверждает его слова, описывая приметы революционерки: «... волосы светло-русые, вьющиеся с золотым отливом, брови дугообразные, глаза светло-карие, зубы все белые, лицо гладкое...». Это описание было составлено в январе 1905 года, когда Екатерина бежала из Архангельской ссылки (добралась до Швейцарии), в декабре того же года она снова была в Петербурге (рассталась с Грином), жила на нелегальном положении и входила в боевую организацию партии эсеров (той самой, в создании которой участвовала Серафима Клитчоглу).

Кстати, Александр Грин в 1910–1912 годах тоже оказался в Архангельской ссылке. По словам его первой жены, В. П. Калицкой, Грин не однажды говорил, что время, проведённое им в Архангельской губернии, было лучшим в его жизни...

Но полиция была начеку. В ночь на 1 апреля 1907 года в Петербурге была арестована группа боевиков из 28 человек, в их числе и «мещанка Екатерина Александрова Бибергаль». Во время обыска у неё обнаружили «подложный паспорт на имя Стахович, по которому она жила, два других подложных паспорта, 480 экземпляров «Солдатской газеты», письмо из Одессы с просьбой сообщить фамилию военного судьи, который судил двух матросов, «казнивших офицера». (Кстати, в ходе следствия выяснилось, что одного из обвиняемых по этому делу уговаривали убить царя, и пока он — ещё не дав согласие! — только раздумывал, ему платили гонорар — более 200 рублей в месяц).

Приговор по делу боевой организации эсеров вынесли в августе того же года. Двоих главных обвиняемых приговорили к повешению, остальных к ссылке и каторге, шестерых оправдали. Екатерине дали восемь лет каторги, и отбывала она её там же, где родилась и где был каторжанином её отец, — в Забайкалье.

На востоке

Нерчинская каторга — это семь тюрем в треугольнике между Шилкой, Аргунью и Забайкальской дорогой. Одна из тюрем — Мальцевская — была женской. Сначала здесь содержались только уголовные преступницы. С 1907 года стали присылать политических. По воспоминаниям Ф. Радзиловской и Л. Орестовой, «Мальцевская тюрьма стала средоточием всех политических каторжанок, отбывавших свой срок в Сибири». «Всех», оказывается, было всего семьдесят две. И это за десять лет — с 1907 по 1917 год!

В тех же воспоминаниях подробно описан быт каторги. «Большой двор, два корпуса с общими и одиночными камерами, баня и кухня. В камерах — разнокалиберные деревянные кровати, большие деревянные столы, длинные скамейки. Жили коммуной: все получаемые деньги, посылки и книги шли в общее пользование. Питались мы большей частью скверно, потому что главное наше питание — казённая пища — была по-настоящему несвежей, невкусной и несытной. К казённому питанию мы покупали на получаемые деньги приварок: чай, сахар, картошку, изредка рис, яйца. Деньги уходили на покупку мыла, письменных принадлежностей, зубного порошка, тазов для умывания, экстренных телеграмм, снаряжения освобождёвшихся на волю. Табак выписывали только для давно курящих».

Обслуживали каторжанки себя сами: топили печи, носили воду, мыли посуду, по очереди убирали камеры (полы мыли раз в неделю), раз в месяц стирали. «Главным содержанием нашей жизни были занятия. Малограмотных обучали русскому языку, географии, арифметике и т. д. Так как большая часть из нас была со средним и незаконченным высшим образованием, то иногда на каждую ученицу приходилось по несколько учительниц. Занимались языками — французским, немецким и английским. Многие с большим увлечением

Каторжанки Мальцевской тюрьмы.

Е. Бибергаль — третья слева во втором ряду.

занимались математикой и философией». Желавшие учились делать массаж, ремонтировать обувь, переплетать книги (в библиотеке политических было около 800 томов).

Для сравнения, уголовные каторжанки — в основном из крестьянок — содержались «по 35–40 человек в одной камере, спали на нарах. В то время как мы занимались только самообслуживанием, они целый день выполняли тюремные уроки: вязали варежки и шили рубахи на мужские тюрьмы, сучили пряжу на казну, выполняли работы за оградой тюрьмы, стряпали на всю тюрьму и т. д.»

Сохранились фотографии каторжанок. Молодые, опрятно одетые женщины читают, пьют чай, просто позируют фотографу. Кто они? Мария Спиридонова в 1906 году убила жандармского полковника Г. Н. Луженовского. Ревекка Фиалка занималась изготовлением бомб. Мария Школьник участвовала в покушении на черниговского губернатора А. А. Хвостова, который при этом был ранен. Анастасия Биценко убила генерал-адъютанта В. В. Сахарова. Лидия Езерская участвовала в покушениях на российских государственных деятелей — министра В. К. Плеве и Н. М. Клинберга. Эти молодые женщины — террористки и убийцы. Екатерина — в их числе.

На западе

...Скорее всего где-то в начале XX века семья Бибергаль перебралась из Благовещенска на запад — многие ссыльнопоселенцы и бывшие каторжане вернулись туда после 1905 года. Екатерина на каторге, потом в ссылке — в Чите, в селе Кудар — отбыла все восемь лет. Освободившись в феврале 1917 года,

тоже уехала в Петроград. В 20-е годы была членом Всесоюзного общества политкаторжан и с семьёй брата Виктора занимала большую квартиру в красивом доме в центре города. Их отец последние годы жизни (умер в 1925 году) провёл в Москве, в Доме ветеранов революции имени Ильича.

Но благополучный период жизни Екатерины Бибергаль длился недолго: в 1938 году её арестовали. Об этом заключении оставила воспоминания Т. П. Милютина в книге «Люди моей жизни». Судьба свела двух женщин в инвалидном лагере Баим (система ГУЛАГ) в Кемеровской области в 1943 году.

«Сердце моё начало оттаивать благодаря Екатерине Александровне Бибергаль. В хорошую погоду, с весны и до поздней осени, можно было видеть её у южной стены 15-го барака, сидящую на раскладном табуретике и читающую книжку. Всегда подтянутая, аккуратно одетая и причёсанная, летом неизменно с белым воротничком, тоненькая и лёгкая. Ей тогда было больше шестидесяти, но никакой старости в ней не чувствовалось. Наоборот — было в ней даже что-то девическое. О Екатерине Александровне я знала только, что она политкаторжанка, т. е. странствия её по тюрьмам, этапам и ссылкам начались ещё в царское время. Присутствие в лагерях политкаторжан — людей, делавших в начале века революцию, поражало меня».

В 1948 году закончился десятилетний срок заключения, и Екатерину Александровну отправили в ссылку, на этот раз в Карелию. Рина Штейн, которая работала в школе посёлка Лаухи, вспоминает: «...В первый же день я пошла в библиотеку. Из-за стойки поднялась стройная, на мой молодой взгляд сильно пожилая женщина. Выглядела она не современно, как будто сошла со старой гравюры. Длинное прямое платье с белоснежным воротничком. Седые волосы убраны в узел. Мы познакомились, она радостно сказала, что это замечательно, когда приезжает учительница из Петербурга. Так и сказала: из Петербурга. Я очень удивилась — ведь шёл 1950 год, и никто Ленинград Петербургом уже давно не называл».

Екатерине Александровне было уже 77 лет, когда она, неудачно упав, сломала ногу. Она долго лежала в больнице, ногу ампутировали. Несмотря на инвалидность, её ссылка закончилась только в 1956 году. Каким-то чудом она добралась до Ленинграда и последние годы жизни прожила у вдовы своего брата — в одной комнате той квартиры, которая когда-то целиком принадлежала им всем. Надо ли говорить, что положение Екатерины Александровны было тяжелейшим. Умерла она в начале 60-х годов.

...Целая жизнь, истраченная на ссылки, побег, каторгу, новые сроки и ссылки. Только в самом начале — годы счастливого детства и в юности — немного страстной любви. Что в финале? Наверное, горькое сожаление напрасных жертв. Хотя, как знать...

Революционеры всех мастей безжалостны к тем, против кого выступают. Революция всегда безжалостна к тем, кто её творит.

2012 г.